

Котабо

Крокодил и старые часы

18+

Котабо

Крокодил и старые часы

«Автор»

2026

Котабо

Крокодил и старые часы / Котабо — «Автор», 2026

Она была воздухом для одного, землёй для другого, эфиром для третьего — и тенью для художника, который хотел владеть её светом. Но всё, что она принимала за любовь, оказалось ступенями. Ступенями к тому, что выше. В этой книге нет глав. Есть поток: воспоминания, сны, откровения, научные метафоры, переплетённые с тишиной. Здесь двенадцать древних сущностей приходят во сне, чтобы напомнить ей, кто она. Спутники танцуют в небе её почерком. Мраморная статуя оказывается её любовью, ждавшей в камне тысячу лет. Крокодил — хранитель порога. Чтобы пройти дальше, нужно отдать ему своё время. Или отвлечь его, заплатив жертвой. Она отвлекла. И очистила путь. Не для кого-то — для себя. Чтобы встретить того, кто ждал на другом берегу. Это история о том, как падать, чтобы научиться летать. Как терять всё, чтобы найти себя. Как понять, что Бог — это скатерть, а за скатертью — то, что не имеет имени. И о том, что самая главная встреча в жизни — это встреча с собой в тишине.

© Котабо, 2026

© Автор, 2026

Котабо

Крокодил и старые часы

Путешествие в сердце сна: как я увидела книгу мира, ее письма и то, из чего соткано притяжение.

Пролог

Иногда смысл прячется не в свете, а в той форме, которую свет вырезает в воздухе своим отсутствием. Одна из искательниц узнала об этом слишком поздно. Или — как раз к тому моменту, когда часы мира показывали полночь. Она сидела на подоконнике, сложенном из холодного камня, и дождь писал на стекле иероглифы, которых никто не умел читать. В её руках был томик — не книга, а скорее листовидная форма памяти, в которой между слов были засушены лепестки её собственной жизни. Роза, превратившаяся в звук, в тень запаха. В поисках выхода она входила в чужие лабиринты, читала чужие сны, любила чужие имена, пока не потеряла своё. Это — рассказ о том, как запертая дверь оказалась не стеной, а зеркалом.

Записки той, которая перешла порог

Мне никогда не нужен был взгляд в небо. Звезды я узнавала на ощупь, по тому, как они ложатся на спину — тяжестью или пустотой. Но однажды ночью, следя за молочным путем, что пересекает небо, я осознала, что не ведаю самого важного: что удерживает этот сон? Почему видения не рассыпаются, почему время в книге переворачивается лишь в одну сторону, почему мы просыпаемся, а звезды засыпают?

Я начала задавать вопросы. Сначала себе во сне, потом — Учителю, потом — тем книгам, которые не открывались никому, но ждали меня на полках. А потом случилось то, что случается с каждым, кто слишком пристально вглядывается в щель между снами: щель приоткрылась и посмотрела на меня.

Она не была пустой. Она была исписанной.

Исписанной тем, что древние называли нитью сновидений, а я назвала просто — письмом, связывающим все строки в одну.

«Начало зримого»

Мы привыкли считать, что мысль живёт в голове, как рыба в пруду. Это заблуждение. Мысль безразмерна и не имеет очертаний, как ветер, который лишь издаёт звук, проходя сквозь предметы. Мы говорим, что мысль — это свет, но она лишь тень света, отброшенная на стену пещеры. Мысль не рождается внутри и не приходит извне; она — сама трещина, разделяющая «внутри» и «снаружи».

То, что вы прочтёте, случилось на самом деле. В этой хронике имена рассыпались, как песок, но остались очертания ладоней. Если вы узнали себя в этих узорах — значит, экран внутри вас уже включён, и вы видите ответ до того, как вопрос был произнесён.

Мысль приходит, как странник, который не стучится. Она садится на край сознания, свесив ноги в пустоту, и ждёт, пока человек заметит её тень в углу. Человек считает себя творцом, но он лишь переписчик, чья рука движется по бумаге, пока он спит.

Ночью наш мозг превращается в корчму для голодных снов, а мысли — в половых, разносящих блюда из перемолотого прошлого с приправами из грядущего. Иногда мысль пахнет дождём, который ещё не пролился, иногда — солёным привкусом чужой любви, забытой на столе. И когда человек берёт в руки лист и говорит: «Я создал», — лист помнит пальцы, которых не было, и поле, по которому до него уже прошла другая тень.

Сон о двенадцати

Этот сон пришёл не сразу. Он пришёл на третью ночь после того, как была завершена та вещь, что не имела названия. Она лежала на ложе в своей комнате, и зверь с рыжей шкурой

спал у её ног, и за окнами шумел город, но она уже не слышала его. Она была в ином месте. Там, где время не текло, а стояло, как вода в колодце, из которого никто не черпал. Там, где свет не падал, а пребывал, как присутствие.

Трон стоял посреди пустоты. Но пустота эта была не пустой — она была полной. Полной всем, что когда-либо было, и всем, что будет. Полной памятью, которая не умирает. Полной любовью, которая не знает границ.

Она подошла к трону. Он был вырезан из камня, который помнил всё. Того же камня, что лежит в основании мира. Того же, что был в её работе. Она провела рукой по подлокотнику, и камень был тёплым, как живое тело.

— Садись, — сказал голос. Не извне — изнутри. Из той точки в груди, где после священного песнопения зажглась искра, меньше волоса и ярче десяти тысяч солнц.

Она села. В тот миг, когда её тело коснулось камня, пустота вокруг неё засветилась. Не ярко, не слепяще — ровно, как свет утренней звезды. И в этом свете начали проступать фигуры. Их было двенадцать.

Она узнавала их не лицами — присутствием. Каждый был как нота, которая звучит, даже когда её не слышат. Каждый был как цвет, который есть, даже когда его не видно.

Первый был старцем. Его лицо было изрезано морщинами, как сухая земля, и его глаза были светлыми, почти прозрачными. Он смотрел на неё, и в его взгляде было три тысячи лет. Три тысячи лет ожидания, слушания, стояния. Она узнала его. Жрец Исиды, который стал стеной.

— Ты пришла, — сказал он. Его голос был тихим, но в нём была тяжесть, как в камне, который падает в колодец.

— Я пришла, — ответила она.

Второй был магом. Его тело было сухим, как корень старого дерева, и его глаза горели огнём, который не гаснет. Он смотрел на неё, и в его взгляде было тысяча лет. Тысяча лет горения, слушания, ожидания. Тот, кто держал огонь, когда его хотели погасить.

— Ты помнишь? — спросил он.

— Помню, — ответила она.

Третий был астрологом. Его пальцы были испачканы глиной, и его глаза смотрели на звёзды, которые были не точками — дверями. Он смотрел на неё, и в его взгляде было столько же лет, сколько у города, который пал, но оставил память.

— Ты видишь? — спросил он.

— Вижу, — ответила она.

Четвёртый был стариком из пустыни. Его лицо было тёмным, как кора старого дерева, и его глаза были закрыты, но он видел. Он видел то, что не видят открытые глаза. Он смотрел на неё, и в его взгляде было десять тысяч лет. Десять тысяч лет памяти, которая не умирает.

— Ты слышишь? — спросил он.

— Слышу, — ответила она.

Пятый был учителем. Он не был стар, но его глаза были старше любых веков. В них была пустота, которая была полнее любой полноты. Он смотрел на неё, и в его взгляде был тот край, где она училась быть пространством. Тот, кто научил её быть никем, чтобы стать всем.

— Ты готова? — спросил он.

— Готова, — ответила она.

Шестой был стражем. Его тело было старым, но не дряхлым. В нём была та же твёрдость, что в камнях, которые помнят дороги древних. Он смотрел на неё, и в его взгляде было тысячелетие. Тысячелетие стояния на границе. Тот, кто охранял тех, кто искал.

— Ты не одна, — сказал он.

— Знаю, — ответила она.

Седьмая была той, кто слышит камни. Её лицо было спокойным, и её руки, сложенные на груди, были сухими, как корни деревьев. Она смотрела на неё, и в её взгляде были горы, которые помнят всё. Та, кто стала деревом.

— Земля помнит, — сказала она.

— Я помню, — ответила она.

Восьмой был молитвой. Его тело было прозрачным, почти невидимым, и в его глубине пульсировал свет, который не гаснет. Он смотрел на неё, и в его взгляде был пролив, вода и небо, которые встречаются, но не смешиваются. Тот, кто стал светом.

— Ты поёшь? — спросил он.

— Пою, — ответила она.

Девятый был тенью, которая стала светом. Его лицо было молодым, но в его глазах была тьма, которую он прошёл, и свет, который он нашёл. Он смотрел на неё, и в его взгляде было раскаяние и прощение. Тот, кто пал и восстал.

— Ты прощаешь? — спросил он.

— Прощаю, — ответила она.

Десятый был тем, кто видел трещину. Его лицо было бледным, и его руки дрожали, но в его глазах горел огонь, который не могли погасить. Он смотрел на неё, и в его взгляде была стена, которая стала прозрачной, и страх, который стал светом. Тот, кто не боится.

— Ты не боишься? — спросил он.

— Не боюсь, — ответила она.

Одиннадцатая была той, кто расшифровал язык богов. Её лицо было сосредоточенным, и её пальцы, испачканные в глине, всё ещё чертили знаки, которые были дверями. Она смотрела на неё, и в её взгляде был город с двенадцатью воротами, которые открываются, когда время сворачивается. Та, кто знает.

— Ты знаешь? — спросила она.

— Знаю, — ответила она.

Двенадцатый был тем, кто увидел ячейки. Его лицо было молодым, но в его глазах была глубина, которой не было в других. Он смотрел на неё, и в его взгляде была ледяная пещера, где он учился прошивать реальность, и пульсар, который бил в такт его сердцу. Тот, кто ищет.

— Ты нашла? — спросил он.

— Нашла, — ответила она.

Они стояли вокруг неё, двенадцать, и их свет смешивался с её светом, и в этом смешении не было борьбы, не было соперничества, не было «я» и «ты». Было только мы. Мы, которые помнят. Мы, которые прошли через тьму и вышли к свету. Мы, которые научились быть пустыми, чтобы быть всем.

— Теперь ты знаешь, — сказал тот, кто был в центре. Он не был одним из двенадцати. Он был тем, кто стоял за ними. Тем, кто был до. Тем, кто будет после. Память.

— Знаю, — ответила она.

— Тогда иди. Твой трон ждёт. Не здесь — там, где ты будешь нужна.

Сон начал таять. Фигуры становились прозрачнее, свет — тише. Но, прежде чем исчезнуть, двенадцать посмотрели на неё, и в их взглядах было обещание. Не то, которое можно выразить словами. То, которое можно только чувствовать.

— Мы вернёмся, — сказали они. — Когда время свернётся. Когда ты сядешь на трон. Мы будем с тобой.

Она открыла глаза. Зверь с рыжей шкурой лежал у её ног, и за окном только начинало светать. Она лежала на ложе, и её руки были пусты, и в груди, в том месте, где горела искра, пульсировал свет. Она знала: этот сон был не сном. Это было воспоминание. Воспоминание о том, что было до. Воспоминание о том, что будет после.

Она встала и подошла к подрамнику. Та вещь, что не имела названия, стояла на том же месте. Трон был пуст. Но теперь она знала, что он ждал не её одну. Он ждал всех. Всех, кто помнит. Всех, кто прошёл через тьму и вышел к свету. Всех, кто готов сесть, не занимая места.

Она провела рукой по поверхности. Краска была сухой, но под её пальцами она стала тёплой. Она знала, что эта вещь будет ждать. Как ждал трон. Как ждали двенадцать. Как ждала Память.

Она повернулась к окну. Солнце только начинало вставать, и небо было бледным, как старое полотно. В этом бледном, в этом сером, в этом предрассветном свете она видела не пустоту — ожидание. Ожидание того, кто придёт. Ожидание того, кто уже здесь.

Зверь спрыгнул с ложа и потёрся о её ноги. Она наклонилась и погладила его.

— Скоро, — сказала она. — Скоро всё начнётся.

Восточный подоконник

Было лето, когда время текло, как патока, и город на юге лежал, раскаленный, как медный таз. Она сидела на подоконнике, и этот подоконник был границей между комнатой и миром, местом, где заканчивается один сон и начинается другой. Напротив, в дрожащем воздухе, стоял он — высокий, как тополь, и такой же тонкий, что казалось, он вот-вот сломается от ветра. Он не был человеком в полном смысле этого слова. Он был скорее *обещанием* человека, силуэтом, вырезанным из летнего света. Его глаза были не карими — они были *медом*, в котором утонуло солнце, и когда он смотрел на нее, она чувствовала, как в ней загорается ответный свет, которого она не знала за собой.

Он принес с собой не букет и не вино, а чужую судьбу — книгу, переписанную на машинке. «За мной, читатель!» — крикнул кто-то внутри этой книги. И они пошли за ним. В тот вечер воздух между ними стал *плотным*, как вода перед бурей. Они пили шампанское из горлышка, стоя на ступеньках, и пена была сладкой, как первая ложь. Он разбил бутылку, но это не имело значения, потому что он уже разбил ее покой. Горлышко, завернутое в фольгу, он забрал с собой, сказав, что это — *первый камень* их будущего города.

Они не спали. Они смотрели в окно, и ночь была такой черной, что в ней можно было утонуть. Он читал стихи о том, как «*хорошо, что вы больны не мной*», а она слушала не слова — она слушала вибрацию его голоса, которая проходила сквозь ее кожу и оставляла там следы, как на песке.

Акт невесомости

Он был технарем, который носил в кармане стихи, и это была самая странная его черта. В тот вечер, когда соседи уехали, они остались одни в пустой комнате. Это была не комната — это была *капсула*, в которой они должны были взлететь.

Его руки были языком, на котором она не умела говорить, но который понимала каждой клеткой. Он касался ее так, словно измерял расстояние до самого важного в ней. Они двигались в ритме прилива, медленно, словно боясь, что любое резкое движение разрушит *иллюзию* происходящего. Она закрыла глаза и увидела его изнутри — не лицо, а *свет*, льющийся из-за его ребер. Когда он вошел в нее, она почувствовала, как перестает быть собой и становится *пространством*, через которое течет время. Это был не секс. Это была *метаморфоза*. Она превратилась в *Маргариту*, а он — в *Мастера*, хотя ни один из них не был тем или другим. Они были просто двумя снами, которые захотели привидеться друг другу.

Прогулка над городом, где дома летают

Этот сон пришёл через неделю. Она уже ждала его, но не торопила. Она знала, что сны приходят, когда перестаёшь их ждать. Поэтому она работала — создавала новую вещь, маленькую, на которой не было ни трона, ни двенадцати, а был только свет. Свет, который она видела в том сне, когда они стояли перед Садам.

Она заснула на ложе, когда зверь устроился у неё на коленях, а инструмент замер в руке. Она не почувствовала, как уснула. Просто вдруг открыла глаза и поняла, что она не в своей комнате, не в городе, не на земле.

Она летела.

Внизу был город. Дома были наклонными, кривыми, как будто их кто-то сдвинул, как фигурки на столе. Крыши были зелёными, красными, синими, и на каждой крыше кто-то сидел. Мужчина в шляпе играл на скрипке. Женщина в белом платье кормила птиц, которые были больше её. Коза паслась на карнизе, и трава росла прямо из черепицы.

Она узнала этот город. Она видела его на вещах, которые никогда не видела вживую, но знала так, как знают сны, которые снятся с детства. Город, где дома летают.

Она плыла в воздухе, и тело её было лёгким, как облако. Она не знала, куда летит. Она просто летела.

— Ты здесь, — сказал голос рядом.

Он летел с ней. Он был в своей обычной одежде, но она не давила, не тянула вниз — она была такой же лёгкой, как её платье. В руке он держал её за руку, и их руки были соединены не силой — намерением.

— Ты летаешь, — сказала она.

— Это твой сон, — ответил он. — Я только следую за тобой.

Она покачала головой. Она знала, что это не так. Этот сон был их общим. Как тот, о Саде. Как те, что будут.

Они летели над городом, и внизу, на улицах, люди ходили вверх ногами. Женщина шла по потолку, и её юбка была набита цветами. Мужчина нёс корову, и корова улыбалась. Ребёнок сидел на облаке и рисовал на небе дома, которые были больше любых домов на земле.

— Здесь всё возможно, — сказал он.

— Здесь всё уже есть, — ответила она. — Просто мы не видим.

Они пролетели над рекой. Вода в ней была не синей — она была прозрачной, и в её глубине плавали рыбы, которые были похожи на людей, и люди, которые были похожи на рыб. На берегу стоял дом, и в доме было окно, и в окне сидел человек. Он смотрел на небо, и в его глазах отражались они — двое, летящие над городом.

— Кто это? — спросил он.

— Тот, кто создал этот город, — ответила она. — Он всегда здесь. В своих вещах. Он смотрит на то, что создал, и радуется.

Человек в окне улыбнулся. В его улыбке была любовь. Не та, что требует, не та, что держит, не та, что боится. Любовь, которая просто есть. Которая смотрит на мир и видит в нём не тяжесть — лёгкость.

Они опустились на крышу самого высокого дома. Под ними был весь город — кривые улицы, цветные крыши, люди, которые жили в мире, где гравитация была не законом, а предложением. Он не отпустил её руку.

— Ты помнишь, как мы встретились? — спросил он.

— Помню, — ответила она. — Твоя комната. Вещь со зверем, проглотившим время. Я вошла и сразу поняла, что ты — тот, кого я искала.

— А что ты искала?

— Не тебя, — сказала она. — Себя. Я искала себя, а нашла тебя. Это всегда так.

Он сжал её руку. В его пальцах было тепло, но не то, что согревает, — то, что отпускает. Тепло того, кто знает, что любовь — это не держать, а отпускать.

— Я тоже искал, — сказал он. — Я искал вещь, которую видел во сне. Ту, где двое летят над городом, и им не нужны крылья, потому что они сами — лёгкость.

— Ты нашёл?

— Нашёл. Сейчас.

Она посмотрела вниз. Там, на одной из улиц, шла пара. Мужчина в шляпе и женщина в белом платье. Они шли, взявшись за руки, и над ними, в небе, летела коза, и на козе сидел ребёнок, и ребёнок смеялся. Это была та же вещь, которую она видела в том месте, где хранятся сны, но живая. Дышащая. Пульсирующая.

— «Прогоулка», — сказала она. — Он создал её для неё. Своей жены. Он хотел показать, что любовь делает лёгким всё. Даже город, даже небо, даже жизнь.

— А что такое любовь? — спросил он.

Она посмотрела на него. В его глазах был тот же свет, что в небе над городом. Свет, который не жжёт, а освещает.

— Это когда ты летишь, — сказала она. — Не потому, что у тебя есть крылья. Потому что ты перестал бояться упасть.

Они взлетели. Не прыгнули, не оттолкнулись — просто стали лёгкими. Город под ними стал меньше, потом совсем маленьким, потом — точкой. Небо раскрылось, и в нём не было звёзд — был свет. Тот самый, что она видела в практике, когда впервые поняла, что ни один человек не вместит этой любви. Но теперь она знала: эта любовь не для того, чтобы её вмещать. Она для того, чтобы в ней лететь.

— А ты? — спросил он. — Что для тебя любовь?

Она посмотрела на свои руки. Они были пусты, но в этой пустоте было всё.

— Это когда я создаю, — сказала она. — Когда краска течёт, и я не знаю, что получится. Когда поверхность пуста, и я не боюсь. Когда я перестаю быть собой и становлюсь всем.

Он улыбнулся. В его улыбке была благодарность.

— Ты нашла, — сказал он.

— Мы нашли, — ответила она.

Они летели над небом, которое было не небом — бесконечностью. И в этой бесконечности не было верха и низа, левого и правого, прошлого и будущего. Было только сейчас. Только полёт. Только лёгкость.

— Эта вещь, — сказал он, — она будет снится мне всегда.

— Она уже снится, — ответила она. — Всем, кто готов лететь. Он знал. Он знал, что любовь — это не тяжесть. Это когда ты держишь за руку того, кого любишь, и не боишься, что он упадёт. Потому что вы падаете вместе. И вместе летите.

Они пролетели над облаком, которое было похоже на дом. В доме горел свет, и в окне стояла женщина. Она смотрела на них и улыбалась. Она узнала её. Это была та, ради кого он создавал небо, и город, и козу, и ребёнка. Та, кто стала лёгкостью.

— Она счастлива, — сказал он.

— Она всегда была счастлива, — ответила она. — Просто мы не знали.

Сон начал таять. Город под ними стал бледнее, краски — прозрачнее. Он всё ещё держал её за руку, но его рука становилась легче, как утренний туман.

— Ты вернёшься? — спросил он.

— Вернусь, — сказала она. — В следующий раз мы будем лететь над другим городом. Там другая любовь. Не лёгкость — золото. Но это тоже любовь.

— Я буду ждать, — сказал он.

— Я знаю.

Она отпустила его руку. Сон растворился. Она проснулась в своей комнате, и зверь сидел на подоконнике и смотрел на небо, где только начинало светать.

Она лежала и чувствовала, как тело её было лёгким, как будто она всё ещё летела. Она посмотрела на свои руки — они были пусты. Но в этой пустоте было всё. Все полёты, все города, все вещи, которые она видела во сне. Все они были здесь. В ней.

Она встала, подошла к подрамнику и взяла инструмент. Она не знала, что будет создавать. Но она знала, что краски, которые она смешает, будут лёгкими. Такими лёгкими, что поверхность не почувствует их тяжести. Только свет.

Зверь спрыгнул с подоконника и улёгся у её ног. Она улыбнулась и начала создавать.

Письма, которые не долетели

После того лета он уехал на север, в город, где пахло хлебом и чужими судьбами. Она писала ему письма. В каждом из них она рисовала море — не синее, а *золотое*, потому что она не видела его иначе с тех пор, как он ушел. Он не отвечал. Но однажды она приехала в его город и нашла его комнату. На столе, перед старой лампой, стояло то самое горлышко — в фольге, потертое, как старый амулет. Она поняла, что *время для них сломалось*. Он был здесь, но он был уже в другом времени. Он рассказал, что его мать умерла, и он уехал еще дальше, в город, которого нет на карте. Они снова были вместе, и снова расстались. Это была их *вечная* ночь, которая длилась всего несколько часов, а потом он исчез, как исчезает утренний туман. Она вернулась на юг, в свою правильную жизнь, думая, что он разлюбил. Но он не разлюбил. Он просто *превратился в воспоминание*.

Четыре ключа

Мне явились четыре ключа. У них не было лиц, но я узнала их по звуку, который они издавали, когда поворачивались в замке.

Первый ключ — **Место**. Он был огромен, как хрустальный свод. Внутри него переливались цвета, и я поняла, что это — наш явленный мир, от зерна песка до звездных островов. Здесь обитает наше тело. Но душа здесь — как запертая в лабиринте.

Второй ключ — **Сила**. Она извивалась, как змея с разноцветной чешуей. Внутри нее горели огни: зеленый, синий, оранжевый, алый. Она созидала и разрушала. Я узнала в ней то, что течет в жилах, в ветре, в громе. Но она слепа без...

Третьего ключа — **Письма**. Оно было незримым, но я чувствовал его как память всего. Оно струилось сквозь Место, как свет сквозь витраж, оставляя знаки. Иногда оно собиралось в кристаллы, в пирамиды, в сферы, которые вращались и пели. В его глубинах я прочла имена: «углерод, азот, гелий». Три буквы, которыми записана судьба живого.

Четвертый ключ — **Складка**. Он был самым странным. Он не тек рекой, как нас учили. Он складывался в кольца, пульсировал, останавливался. Иногда я видела его как петлю — войти в нее можно было в одном месте, а выйти в другом, даже до своего рождения.

Я спросила: «Кто вы?». Они ответили: «Мы — твои книги. Ты живешь на переплете нас. Хочешь читать между строк? Следуй за нами».

Что держит звезды? Притяжение и темные тайны

Притяжение оказалось совсем не тем, чему меня учили в книгах. Это не просто влечение масс. Это — стекание Письма к краю книги.

Представьте: все Письмо, которое есть в мире, стремится к границе. Оно течет, как вода к водопаду. Этот поток создает *письменный вихрь*, а письменный вихрь искривляет Место. Вот вам и притяжение. Чем больше Письма в объеме, тем сильнее он притягивает другие объемы — особенно те, что дальше. Слияние знания увеличивает притяжение. Вот такой парадокс. А *темная материя* — это не что иное, как те самые письменные вихри, которые не светятся, но притягивают. Они находятся в полосе притяжений, на масштабах звезд и галактик. Семиуровневое письмо на уровне звезд, восемнадцатиуровневое — *черный ящик* между притяжением и зовом. Они есть везде, но мы их не видим. *Темная сила* — еще проще. Это белый зов на самом верху лестницы, на метagalactиках. Оно движется не прямо, а по касательной, против солнца. Вот вам и разбегание мира. Никаких тайн — просто танец полей на грани времен.

Девочка и вода

В девятом классе, на факультативе, где время текло медленно, как патока, девочка сидела у окна. Дождь за окном был слеп — она его не видела. Она смотрела в пустоту, и пустота

смотрела в ответ. Учительница, чьи седые волосы были скручены в узел, диктовала условие. Но слова потеряли смысл, потому что прямо перед глазами, в воздухе, на уровне парты, развернулась плёнка — прозрачная, как вода, и чёткая, как надпись на клинке.

Это не было галлюцинацией. Это был сам процесс становления, проявленный на свету.

На той плёнке, сверху вниз, словно капли, падали строки решения. Учительница ещё не закончила читать, а девочка уже знала всё. Она подняла руку, разрубив тишину, и вышла к доске. Рука её двигалась сама, водимая кем-то незримым, и мел оставлял следы, которые она не обдумывала. Она переписывала невидимую книгу. В классе стояла тишина — та самая тишина, которая бывает только перед грозой, когда звери чуют поле.

Учительница, проработавшая тридцать лет, сказала, глядя на доску:

— Ты не вывела это. Ты просто прочитала это с другой стороны зеркала.

А девочка смотрела в окно, где дождь уже кончился, и знала: эта плёнка отныне всегда будет с ней. Как соль на губах, как ощущение чужого дыхания на затылке.

Мысль — это не образ и не слово. Это ветер, который мы замечаем только по тому, как он гнёт деревья. Мы пытаемся поймать её словами, но слова — это лишь пена на гребне волны. Истинная мысль — та, что не нуждается в одежде.

Экзамен без начала

В университете девочка почти не ходила на лекции. Ей казалось, что профессор говорит правду, но на неправильном языке — языке кошек, которые одновременно живы и мертвы. На экзамен она пришла с пустыми руками и с дрожью в позвоночнике. То была дрожь не страха, а приближения.

В аудитории было шумно, как на рынке, где торгуют судьбами. Она позвала аспиранта — молодого человека с усталым лицом — и сказала:

— Примите экзамен. Садитесь.

И он сел, словно кто-то нажал ему на плечи.

Она взяла лист с символами, которые не учила, и в этот момент её внутренняя плёнка засветилась ровным белым светом. Она читала ответы, как старые письма. Аспирант спрашивал, а она отвечала не головой — телом, чувствуя, как будущее вплетается в прошлое. Когда он захотел поставить высший балл, она покачала головой:

— Поставьте «удовлетворительно». Я не хочу присваивать то, что пришло не через пот.

Она вышла, оставив после себя вопрос, который он не мог забыть. Спустя десятилетия, когда он сам стал профессором, к нему пришла её дочь. Он не рассказал ей эту историю, но носил её в себе, как носят в кармане камень, найденный на чужой дороге.

Мысль — это петля, где будущее завязывает узел с прошлым. Мы не вспоминаем — мы создаём воспоминание в момент прикосновения.

Она заснула под утро. Ей приснился поезд.

Она бежала по платформе. Он стоял у окна, прижимая ладонь к стеклу. Она кричала, но голос не выходил. Поезд уезжал, и она бежала за ним, но ноги становились ватными, и расстояние между ними росло, росло, пока он не стал точкой на горизонте.

Она проснулась в холодном поту. Сердце колотилось. Она села на кровати, обхватила колени руками и заплакала. Это было вспоминаем будущего.

Пар и скорость

Этот сон был движением. Она почувствовала это ещё до того, как увидела. Что-то несло сквозь неё, сквозь пространство, сквозь время, и в этом движении не было ни начала, ни конца. Только скорость. Только свет, который рождался из неё, как искры из-под колёс.

Она стояла на мосту. Или мост нёсся сквозь неё. Вокруг был пар. Он был везде — над водой, над землёй, над тем, что мчалось по рельсам, разрывая туман своими колёсами. Пар был живым. Он дышал, он двигался, он скрывал и открывал. В его глубине, как в старых снах, проступали очертания: мост, река, город, движение. Исчезали. Появлялись снова.

— Ты знаешь эту вещь? — спросил голос за спиной.

Она обернулась. Он стоял рядом. Его одежда была мокрой от пара, и его лицо было спокойным, но в глазах отражался свет, который рождался из движения.

— «Дождь, пар и скорость», — ответила она.

— Не просто вещь. Это попытка увидеть то, что нельзя остановить.

Он протянул руку. Она взяла её. В тот момент, когда их пальцы сомкнулись, скорость стала ощутимой. Она чувствовала, как то, что мчится по рельсам, дрожит мост, как вода в реке вздымается и опадает в такт его движению. Всё было в движении. Даже пар, который казался неподвижным, двигался, клубился, менял форму.

— Тот, кто создал эту вещь, писал её, чтобы показать, что мир не стоит на месте, — сказала она. — Что даже камень, даже мост, даже память — всё движется. Всё меняется.

— А что остаётся? — спросил он.

— Свет, — ответила она. — Свет, который рождается из движения. Свет, который не может остановиться.

Они стояли на мосту, и то, что мчалось мимо, издавало звук. Его колёса стучали, и в этом стуке была музыка, которую она слышала только раз — в практике, когда впервые поняла, что ни один человек не вместит этой любви. Но теперь эта музыка была другой. Она не была любовью. Она была скоростью. Скоростью, которая превращает краску в свет.

— Посмотри на воду, — сказал он.

Она посмотрела вниз. Река была тёмной, почти чёрной, но в её глубине, там, где течение встречалось с мостом, рождался свет. Не золотой, не белый — тот, который она видела в квадрате. Свет, который не имеет цвета. Свет, который есть везде, но виден только тем, кто умеет смотреть.

— Он видел это, — сказала она. — Он видел, что свет есть во всём. В воде, в паре, в дыме, в грязи. Он видел его даже там, где другие видели только тьму.

— Потому что он не боялся смотреть, — сказал он. — Он не боялся видеть то, что не укладывается в формы. Он не боялся, что его вещи назовут незаконченными, непонятными, безумными. Он создавал свет. Не предметы, не людей, не пейзажи. Свет, который делает всё это видимым.

То, что мчалось, пронеслось мимо. Пар сгустился, и на мгновение они ничего не видели. Только белизну, только движение, только свет, который рождался из этого движения. А потом пар рассеялся, и она увидела то, что было за ним. Не мост, не реку, не город. Другое. Она увидела границу. Тонкую, едва заметную, между тем, что есть, и тем, чего нет. Между материальным и нематериальным. Между краской и светом.

— Это и есть граница, — сказала она.

— Да, — ответил он. — Он всю жизнь искал её. Он создавал корабли, которые тонут в тумане, города, которые растворяются в свете, движение, которое исчезает в паре. Он создавал не предметы — их исчезновение. Потому что он знал: всё, что мы видим, — это только форма. А то, что за формой, — это свет.

Она смотрела на границу, и ей казалось, что она может переступить её. Один шаг — и она будет там, где нет ни моста, ни реки, ни движения. Где есть только свет. Тот, который рождается из движения. Тот, который не может остановиться.

— Ты хочешь перейти? — спросил он.

— Не сейчас, — ответила она. — Я ещё не всё увидела.

Он улыбнулся. В его улыбке было что-то от того движения, которое мчалось мимо, — скорость, которая не может остановиться, но не разрушает, а творит.

— Он создавал эту вещь, когда понял, что его время уходит, — сказал он. — Он был стар, он почти не видел, но он создавал. Он создавал свет, который видел внутри. Он создавал движение, которое чувствовал в крови. Он создавал скорость, которая несла его к концу, но этот конец был не смертью — преобразованием.

— А что мы увидим, когда перейдём границу? — спросила она.

— То, что видел он, когда смотрел на свои вещи. Не краску — свет. Не форму — движение. Не конец — начало.

Пар снова сгустился. Она чувствовала его на коже — влажный, тёплый, живой. Он был как сон, который не хочет, чтобы его прерывали. Он был как та тишина, в которой рождаются все звуки. Он был как квадрат, который не чёрный, а всё.

— Ты помнишь, как мы впервые увидели эту вещь? — спросил он.

— Помню, — ответила она. — В том городе, где хранятся сны. Ты сказал, что это не вещь, а окно. Окно в мир, который движется слишком быстро, чтобы его можно было остановить.

— А что ты сказала?

— Я сказала, что это не окно. Это дверь. Дверь, которая открывается, когда ты смотришь. И если смотреть долго, можно увидеть не движение, не мост, не реку — то, что за ними. Свет, который рождается из скорости. Свет, который не может быть остановлен.

Они стояли на мосту, и движение снова мчалось мимо. Но теперь она видела не его — свет. Он был везде. В паре, в воде, в камне, в её руке, которая держала его руку. Он был в ней. Он был ею.

— Он хотел, чтобы его вещи смотрели не глазами, — сказала она. — Он хотел, чтобы их смотрели сердцем. Потому что глаза видят только форму. А сердце видит свет.

— А что видит сердце, когда смотрит на эту вещь?

— Оно видит, что всё движется. Что нет ничего неподвижного. Что даже мы, стоящие на этом мосту, движемся. Сквозь время, сквозь сны, сквозь вещи. И в этом движении — не потеря, а обретение.

Пар начал рассеиваться. Она видела, как граница между материальным и нематериальным становится тоньше, прозрачнее. Она знала, что скоро этот сон кончится. Но она не жалела. Она успела увидеть.

— Ты вернёшься? — спросил он.

— Вернусь, — ответила она. — В другие сны. В другие вещи. В ту, где время станет касанием. Где искусство станет жизнью. Где свет станет всем.

Она отпустила его руку. Движение промчалось в последний раз, и в его шуме, в его скорости, в его свете она услышала не прощание — обещание. Обещание того, что движение не кончается. Что свет не гаснет. Что скорость превращает краску в жизнь.

Она проснулась в своей комнате. Зверь лежал на её груди, и его дыхание было ровным, как пульс камня, который она носила. За окном уже светало, и небо было бледным, как старое полотно. Но в этом бледном, в этом сером, в этом предзвездном свете она видела не покой — движение. Движение света, который рождается из тишины. Движение краски, которая становится жизнью. Движение времени, которое не стоит на месте.

На подрамнике стояла вещь. Трон был пуст. Но теперь она знала, что это не пустота. Это скорость. Скорость, которая несёт её к тому, что выше. Скорость, которая превращает её в свет.

Она лежала и смотрела на вещь. Ей казалось, что в её глубине, в том месте, где был прозрачный свет, она видит того, кто создал этот пар. Он стоял на мосту, и его руки были в краске, и на его лице была та же улыбка, что и у него, когда он говорил: «Свет рождается из движения». Он создавал. Он создавал свою последнюю вещь. Ту, где скорость становится вечностью. Где пар открывает дверь. Где свет не гаснет.

— Ты увидел, — прошептала она. — Ты увидел то, что за формой. Ты увидел свет.

Зверь открыл жёлтые глаза и посмотрел на неё. В его взгляде было столько же лет, сколько у этого света, который рождается из движения. Он знал. Он всегда знал.

Она закрыла глаза. Следующий сон будет о касании, которое передаётся сквозь века. О том, как искра жизни переходит от создателя к зрителю, от пальца к пальцу, от сердца к сердцу. О том, что даже в камне есть свет.

Тот, кто был землей

В ее жизни появился другой. Он не был воздухом — он был *землей*, твердой и надежной, на которой можно было построить дом. Он был человеком, который вернулся с войны и сказал: «Я знаю, что ты ждешь другого, но я буду ждать тебя». В его глазах не было огня — в них была *тишина* утра. Он взял ее за руку, и эта рука была теплой и шершавой, как кора старого дерева. Он сказал: «Твой ребенок — мой ребенок, твоя боль — моя боль. Я хочу разделить это с тобой, потому что я не могу быть без тебя, как без воздуха». Ее ребенок родился, и он держал его на руках с таким благоговением, словно это было *причастие*. Она не любила его так, как любила первого, но она *принимала* его любовь, как принимают дождь после засухи.

У них родился еще один ребенок, и теперь в комнате общежития стало тесно от счастья и отчаяния. Но она рисовала ночью в ванной, когда все спали. Она рисовала *море*, которое ей приснилось. Он не понимал ее рисунков, но он никогда их не критиковал. Он просто молчал и смотрел, как она рисует, как смотрят на дождь за окном. Однажды она ушла. Она сказала: «Я люблю тебя больше всех, но я хочу быть собой». Он не держал ее. Он сказал: «Иди. Если ты чувствуешь, что должна уйти — уходи». Она ушла, и он остался с детьми. Это была ее самая большая *жертва* и ее самый большой *дар*. Через двадцать лет она нашла его письма, написанные на службе. В них было написано: «Ты можешь не любить меня, но я буду любить тебя всегда. Не как воду — как воздух».

Дом, который не построили

Они говорили о доме. Он хотел построить его своими руками, чтобы в нем был сад, где бегают дети. Она не верила в этот дом. Она верила только в *путь*, который ведет от него. Но она рисовала этот дом на клочках бумаги, пока он спал. Это был дом с окнами на все четыре стороны света, чтобы видеть, откуда придет будущее. Дом не построили. Деньги уходили на хлеб и пеленки. Но, она оставила рисунки в старой коробке. Там, где были письма. Потом она поняла: дом строится не из кирпичей, а из *мгновений*, когда ты решаешь остаться. И она осталась. В своей собственной тишине.

Знание, которое нельзя передать

В эти месяцы она пыталась облечь в слова своё постижение Времени. Мир снаружи перестал существовать. Существовали только стук печатной машинки и раскалённый поток мыслей.

Однажды поздно вечером она печатала главу о субъективном времени. Друг, мастер восточных единоборств, мыл на кухне посуду. И вдруг она услышала шаги за спиной. Тяжёлые, отчётливые. Фигура в чёрном стояла в тени между шкафом и мольбертом — сгусток тьмы, излучающий холод. В этот миг на кухне с треском разорвался провод. Но друг ничего не заметил. Фигура исчезла.

Это был страж. Или наблюдатель. Тот, кто следит за теми, кто подходит слишком близко к запретным чертам мироздания. Разорвавшийся провод был напоминанием: энергия, с которой она работает, реальна и опасна.

Когда все выводы были сделаны, на неё обрушились нестерпимые головные боли. Стоило ей попытаться рассказать о знании другому — боль сжимала виски. Стоило написать статью — приступ загонял в темноту на сутки. Знание оказалось запечатанным. Оно было не информацией, а состоянием сознания, которое нельзя переложить в слова.

Так и осталось её знание только у неё. Папка с машинописью легла на полку рядом с футболкой Существа из Гималаев. Она поняла: она не пророк, не писатель. Она — хранитель. Как тот слепой монах в «Имени Розы», охраняющий книгу, которая может спасти или погубить.

Головные боли отступили, когда она смирилась. Истинная популяризация происходит не через книги, а через сам факт существования того, кто знает. Через свет искры в сердце.

Академик и нулевая точка

Был ещё один старик — физик, некогда блиставший, а теперь маргинал, ушедший в область торсионных полей. Он видел в ней не женщину, а живой прибор, ключ к информационному полю вселенной.

— Ты — причина, — говорил он, глядя на её незаконченные полотна. — Ньютон, Тесла, Кекуле — все они были немного тобой. Таких, как ты, на Земле — пять. От силы.

Он требовал методичку. Протокол. Он хотел разложить её мистический опыт на составляющие.

— Дорогой академик, — отвечала она. — Это не код. Это состояние бытия. Как дыхание.

Его настойчивость стала тяготить. Она чувствовала себя лабораторной крысой. В его восхищении не было любви — была одержимость исследователя.

Она почти перестала спать, пытаясь поймать формулу Единого Поля. И когда он пришёл за «ключом» в последний раз, она увидела в его глазах нездоровый блеск.

— Вы ищете карту, — сказала она. — А я ищу состояние территории.

На следующий день его нашли без сознания. Переутомление, микроинсульт. В больнице, глядя на его бледное лицо, она сказала:

— Я перестала искать. Я просто стала этим дышать.

И между ними, учёным и мистиком, установилось молчаливое понимание: самый главный код — это способность чувствовать, а не знать.

Лестница с тринадцатью ступенями

Моим первым откровением стало то, что сон не однороден. Он состоит из уровней, как лестница, уходящая в бесконечность в обе стороны. Вниз — к невообразимо малому, вверх — к необъятно большому. Оказалось, что эта лестница имеет ровно тринадцать ступеней, и каждая ступень — целая книга.

Самые нижние ступени — почти неисписанные страницы. Там, где размеры меньше ядра сна, живут *черные знаки*. У них нет цвета, потому что свет для них слишком груб. Но они есть. И они — черные. В древней традиции это называется *невыразимое*.

Поднимаясь выше, я встречала *белый свет* — уже мир форм. Еще выше — *ультрафиолет*, *воля*; *красный* — *видение*; *радуга* — *сновидение*; *синий* — *чувствование*; *зеленый* — *путь с сердцем*; *желтый* — *разум*. И так до самого верха, где на последней ступени снова сияет радуга — край всего, что мы можем вообразить.

Каждая ступень имела не только цвет, но и свой способ связи. Где-то властвовал шепот, где-то — зов, где-то — притяжение. А на переходе между ними пряталось то, что в обычных книгах держит буквы, но здесь оказалось связующим звеном между мирами.

Я была поражена: лестница оказалась живой. Она дышала, переливалась, и у нее было три главных пролета — три ипостаси. Каждая управляла своим набором ступеней.

Танец в пустоте

Прошли годы. В небе над миром зажглись серебряные птицы — спутники. Они двигались по расчётам, но однажды утром она проснулась от движения. Подошла к окну: небо было чистым, но внутренним зрением она видела, что высоко, над атмосферой, происходит вальс.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.